

К ЭТИМОЛОГИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО

ХЛАБЪ (ХЛАБЬ)

Этимология указанного церковнославянского слова, имеющего также соответствия в русском и сербохорватском языках, была объектом внимания многих лингвистов, высказавших по этому поводу ряд различных суждений, ни одно из которых не удовлетворило М. Фасмера, ограничившегося их простым перечнем в порядке убывающей достоверности¹. Многообразие предложенных этимологических версий и их необидительность были обусловлены — в первую очередь — недостаточной разработанностью семантической стороны проблемы. Вторичные осмысления почти выпешедшего из употребления книжного слова с неясным и расплывчатым значением явились непреодолимым препятствием для поисков правильной этимологии.

При этимологизации старославянской (а также церковнославянской) лексики исследователь должен постоянно помнить, что «подлинное значение слов мертвого старославянского языка — это величина, подчас отнюдь не поддающаяся непосредственному наблюдению, несмотря на известность греческих соответствий в оригиналах; подлинное значение представляется нам иногда как некий субстрат, перекрытый книжным употреблением в роли эквивалента нужному греческому слову. Проникнуть до названного субстрата и реконструировать это подлинное значение удастся, разумеется, не всегда, но подобная ситуация возможна в достаточно большом числе случаев, почему те, кто занимается интерпретацией старославянского словарного состава, обычно имеют в виду специфичность взаимоотношений старославянских и греческих эквивалентов»². Это обычно влияет при многозначности последних и создает исследователю массу дополнительных трудностей.

Путь к правильной этимологии слова хлака, хлака был установлен О. Н. Трубачевым, который весьма убедительно показал, что праславянское существительное *xləbъ, восстанавливаемое им в таком виде для старославянской, русской и сербохорватской форм, «является техническим термином с реконструируемым значением 'затвор, запор, сточное отверстие' (ср. засвидетельствованные значения 'плотина, шлюз' (с.-хорв.), оборот *xляби затворить* и др.; значение 'просторная жидкая среда и т. п.' (Даль) вторично, с забвением четких первонач. границ)». Предложенная О. Н. Трубачевым этимология отличается простотой как в семантической, так и в фонетической части: «Слав. *xləbъ родственно лит. *sklembti* 'скользнуть', далее *sklendžiù sklęsti* то же, что соответствует идее

¹ Фасмер IV, с. 248—249.

² Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, с. 188—189.

примитивного запора, засова»³. Этимологию можно было бы упрекнуть лишь в одном: славянское слово объясняется с помощью литовского глагола. Однако этот упрек не может быть решающим основанием для сомнения в правильности этимологии, как и невыясненность словообразовательных тонкостей, что было оставлено для дальнейших уточнений.

Гораздо более существенные претензии к этимологии слав. *zleby с лит. *sklembiti* можно предъявить совсем по другому поводу — со стороны неполного охвата славянского материала. Дело в том, что ст.-слав. *хлѣбъ*, с.-хорв. стар. редк. *hljeb*, *hleb*, *hljer*, *hler*, др.-рус. ц.-слав. и рус. стар. *хлѣбъ* не исчерпывают весь славянский материал, особенно это касается с.-хорв. региона, данные которого сейчас могут быть дополнены на основе этимологического словаря П. Скока, где под словом *hlip*, которое встречается «у западных авторов, как Баракевич» и подано у П. Скока со следующим толкованием: «плотина для воды; синонимы: *slap*, *katarakta*», даны следующие этимологические соображения: «Множ. число здесь *lěpovi* (Ластрич, XVIII в.) = *hljab* (согласно Стуличу из глаголического служебника). Екавские формы *hljěr* и *hljěb*, которые даны у Будмани, не подтверждаются ни в говорах, ни у писателей. Кажется, основа содержит *ě*. Других параллелей для этого в названиях клапанов и вентилях не имеется. Вероятно, ономотопэтическое происхождения». Далее сделана отсылка к глаголу *hlapiti* 'испаряться, выветриваться' (где, однако, нет «обратной связи») и ссыла на RJA III, 634⁴.

Едва ли есть основания соглашаться с приведенными сомнениями и предположениями П. Скока, поскольку и его материал оказывается все-таки весьма далеким от полноты, но учесть приведенные у П. Скока факты представляется необходимым и весьма важным.

Прежде чем перейти к фонетическому анализу поражающего несколько хаотическим многообразием фактического материала; особенно на сербохорватской почве, представляется необходимым подчеркнуть, что и в русском, и в сербохорватском языках мы имеем дело с сугубо книжным словом, семантика которого в словарях зачастую довольно значительно отошла от первичного значения, хорошо и весьма убедительно восстановленного и объясненного О. Н. Трубачевым. Именно это значение и необходимо учитывать в дальнейшем при поисках этимологии и при рассмотрении истории слова.

Впрочем, имеются указания на существование слова *хлѣбъ* в русских народных говорах Севера. В. В. Виноградов, рассматри-

³ ЭССЯ 8, с. 32—33; ранее и подробнее: Трубачев О. Н. Славянские и балтийские этимологии. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, с. 4—10. М. Ф. Мурьянов подтвердил правильность семантической реконструкции привлечением ряда других памятников славянской письменности. См.: Мурьянов М. Ф. Семантика ц.-слав. *хлѣбъ*. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, с. 58—60.

⁴ Skok I, с. 673.

вая истоки слов *расхлябанный*, *расхлябанность*, сформировавшихся на основе северновеликорусских глаголов *расхлябать*, *расхлябаться*, указывал: «Любопытно, что севернорусским говорам известно и слово *хлябь* в значении 'пасть, зев'. Проф. Е. Ф. Будде готов был признать северным провинциализмом употребление слова *хлябь* в одическом стиле М. В. Ломоносова»⁵.

Обращает на себя внимание, что на сербохорватской почве слово *hleб*, *hljeb*, *hleб*, *hljer*, *hlip*, *hljab* обнаруживает следующие колебания в звуковом составе слова *b s p*, *l s lj*, *e s i s a*, которые можно будет объяснить исключительно как характерные для заимствования, причем преимущественно как для заимствования прежде всего внутриславянского.

Форма *hljab* фонетически полностью совпадает с русской и должна объясняться в качестве русского церковнославянизма, хотя можно объяснить и эту форму как первичную и очень важную для восстановления исходной праформы с фонетической ее стороны.

Что касается наиболее популярных сербохорватских форм с гласным *e*, то они также могут рассматриваться как русизмы с закономерной субституцией (если учитывать лишь графическую сторону) русского *я* сербским *e* (ср. рус. *пять*, *мясо* — с.-хорв. *пет*, *месо*), при этом мягкость русского согласного *л'* то устранялась, то сохранялась, из-за чего возникло колебание, которое как бы вписалось в качестве соответствий между экавскими и екавскими диалектами, а далее путем отталкивания от этих якобы экавских и екавских форм возникла и форма *hlip* вполне икавского облика. Этим объяснением снимается также предположение П. Скока о первичном корневом *ǣ* в группе вариантов рассматриваемого слова.

Приведенный материал о взаимоотношении рус. *хлябь* и с.-хорв. *hleб* (с вариантами) хорошо показывает, что при этимологизации славянской лексики представляется чрезвычайно важным учет миграции отдельных слов внутри славянского языкового мира. Применительно к русскому языку в исторической лексикологии и этимологии основательно и даже несколько преувеличенно учитывается южнославянский (= старославянский) лексический вклад в русский язык, но гораздо хуже изучен лексический вклад русского языка (в том числе и русского церковнославянского) в языки южных славян⁶.

Происхождение слова *хлябь* на русской почве ни у кого не вызывает сомнения: это слово, носящее и сейчас явный церковно-книжный характер, на русской почве является старославянизмом.

⁵ Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 174, со ссылкой на: Будде Е. Ф. Несколько заметок из истории русского языка. — ЖМНП, 1898, март, с. 157—158 и 172.

⁶ Ограничусь одним характерным примером. У южнославянских слов типа болг. *поприще*, макед., с.-хорв. *поприште* в значении 'сфера деятельности' нет истории на почве этих языков, зато она хорошо прослеживается с XVIII в. на русской почве (см.: Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975, с. 19—20), откуда и произошло их заимствование в период славянского национального возрождения.

Из старославянских памятников употребление слова хлаба знают Синайская псалтырь и Супрасльская рукопись. В глаголической Синайской псалтыри (пс. XLI, 8), вообще изобилующей ошибками и описками, читается: бездѣна бездѣнѣж призываетъ къ гласѣ хлабѣі тѣкоуъ (*хатаѣѣхѣта*)⁷. Среди многочисленных ошибок этого памятника есть и один случай смешения л и а: плача вм. плаха (л. 43₁₂), причем первоначальное л переделано в а «(не писцом?)», как указали на это С. Н. Северьянов (с. 43) и Б. фон Арним⁸.

Что касается Супрасльской рукописи, то в ней представлено не само слово хлаба, а производное прилагательное хлабѣнѣи причем оно написано по ошибке вместо хлаѣнѣи (*ѣртоу*)⁹ и в расчет приниматься не должно.

В итоге можно сказать, что на почве старославянских памятников слово хлаба (= греч. *хатаѣѣхѣтѣс*) представлено недостаточно надежно и полной уверенности в правильности огласовки а пока быть не может. С другой стороны, корневой вокализм слова в русском языке (и частично в сербохорватском) позволяет допустить возможность исконной огласовки 'а (графически по-русски я), что позволяет в данном случае вести поиски этимологического решения совсем по другому направлению и с учетом возможности заимствования лексемы, в пользу чего говорят не только наличие фонетических вариантов в сербохорватском языке, но и узость распространения слова на славянской почве при его вторичных миграциях в качестве книжного элемента старославянского происхождения. Для старославянского языка в качестве исходной формы есть основания допустить реконструкцию формы *хлаба с огласовкой 'а, которая хорошо поддерживается русским материалом, а также сербохорватским *hljab*, если допустить его происхождение не из русского источника (а такую возможность пока исключить не следует).

Все сказанное об истории слова хлябь на славянской почве позволяет вспомнить проницательное предположение П. И. Шафарика о паннонском характере этого слова¹⁰ и его поиски в связи с этим немецкой этимологии для этого слова, не нашедшей, впрочем, сочувствия у более поздних исследователей. Действительно, связь с нем. *klaffen* 'зиять' и предположение первоначального значения 'отверстие, дыра' для слова хлябь сейчас не могут быть продуктивными; но привлечение немецкого источника при иной его конкретизации окажется перспективным.

⁷ Северьянов С. Н. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пг., 1922, с. 55, 387; Селищев А. М. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, с. 273—275.

⁸ Arnim B. von. Studien zum albulgarischen Psalterium Sinaiticum. Leipzig, 1930, S. 59.

⁹ Северьянов С. Н. Супрасльская рукопись, т. I. СПб., 1904, с. 135; Meyer K. H. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt und Hamburg, 1935, S. 279.

¹⁰ Шафарик П. И. О происхождении и родине глаголитизма, М., 1861, с. 40 (Из Чтений ОИДР 1860 г.).

Следовательно, первоисточник слова *хлябь* на славянской почве — старославянский язык, а само слово *хлябь* имеет первоначально ограниченное распространение. «Критерий распространенности всегда влияет на результаты этимологии; ограниченное распространение слова очень часто служит признаком заимствования из иного языка. Конечный результат зависит от того, подтвердят или не подтвердят остальные аргументы этимологического исследования это свидетельство ограниченности территориального распространения»¹¹. К этому же предположению подводит и отмеченная ранее фонетическая нестабильность слова на сербохорватской почве. Для первоначально паннонского слова его корни следует искать в немецком языке.

В качестве этимологического источника для слова *хлябь* представляется возможным видеть исконное верхненемецкое соответствие для нижненемецкого по происхождению слова *Klappe* из современного немецкого литературного языка со значениями 'клапан', 'заслонка, вьюшка (печи)', '(откидная) крышка (парты, почтового ящика и т. п.)', 'форточка', 'хлопушка' и т. д. Нижненемецкому *Klappe*, вошедшему и в состав немецкого литературного языка, в верхненемецких диалектах должна была соответствовать форма с результатами второго (верхненемецкого) передвижения начального согласного ($k > ch$ -) и с некоторой путаницей в противопоставлении звонкого и глухого согласного¹² во втором слоге $-p \sim b$ -. Это, вероятно, было слово, похожее на швейцарское просторечное *Chlappe* 'рот, пасть'¹³. Древневерхненемецкое слово хорошо заполнило потребность паннонских переводчиков с греческого на старославянский и впоследствии вместе с переводами стало путешествовать по славянскому миру.

Полное семантическое тождество старославянского *хлябь* и др.-в.-нем. *chlappe как обозначения устройства для выпуска воды подкрепляется и достаточно заметной их фонетической близостью, которая поддерживается субституционными моментами в условиях слабого противопоставления твердых и мягких, а также звонких и глухих согласных на почве немецких диалектов ($l \sim l'$, $p \sim b$).

Любопытно, что н.-в.-нем. *Klappe* вторично попало почти во все славянские языки в качестве технического термина типа *клапа*, *klapa* (и с суффиксацией *клапка*, *klarka*) или *клапан* (последнее из мн. числа *Klappen*) для обозначения разного рода откидных крышек и клапанов¹⁴. При этом оно и на этот раз вторично ис-

¹¹ Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования. — ВЯ, 1959, № 1, с. 25.

¹² Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1958, с. 122—130.

¹³ Schweizerisches Idiotikon. Wörterbuch der schweizerdeutschen Sprache, Bd. III. Frauenfeld, 1895, S. 663. Любопытно совпадение семантики нем.-швейц. *Chlappe* и рус. северного *хлябь* 'пасть, зев', о котором уже шла речь. Ср. также франц. *clapet* 'клапан, рот', восходящее к немецкому источнику.

¹⁴ БЕР II, с. 419, 420; *Stawski* II, с. 186; *Machek*² с. 251. Ср. также франц. *clapet* 'клапан' тоже нем. происхождения.

пытывало различные контаминационные сближения с звукоподражательными словами на почве отдельных славянских языков. И на германской почве *Klapper* считается звукоподражательным словом, причем звукоподражательность постоянно усиливается вторичными уподоблениями.

Восточнославянские диалектные названия для плохой, дождливой погоды, дождя со снегом, типа *хляба* едва ли можно слишком решительно отделять от слова *хлябь*, которое встречалось в библейском описании всемирного потопа (Бытие, VII, 11—12: *хляби небесные отверзошася*) и дало основу для шуточного русского фразеологизма *разверзлись хляби небесные*¹⁵. Ср. также укр. диал. *хляпавка* 'дождь' (по определению Л. Украинки: «чудовий буковинський термін для дощу»¹⁶) и *халепа* с многочисленными экспрессивными вариантами, которые переплетаются самым причудливым образом: *халепа, халепа, халопа* = *хляба, хляг'а, хляка* 'плохая, дождливая погода; непогода'¹⁷. К этой же «водной группе» следует отнести загадочное венг. диал. *halár* 'мокрый болотистый луг', не получившее пока удовлетворительной этимологии¹⁸, но, вероятно, представляющееся одним из явных, но пока еще не учтенных славянских включений венгерского языка.

Семантические сдвиги и контаминации у слова *хлябь* на славянской почве начались уже давно, чему способствовали метонимические переносы значения слова, весьма тесно соприкасавшегося с названиями водных объектов в текстах.

Не придавая абсолютного значения материалам старинной восточнославянской лексикографии, отмечу только, что в изданном архимандритом Амфилохием словаре XVI в. «Лексис с толкованием словенских мов просто» слово *хлябы* толкуется в соответствии с исконным его значением как «продухи воднии»¹⁹, а в «Лексиконе славеноросском» Памвы Беринды (1627 г.) уже обнаруживаем наряду со старым и новое толкование в двух сходных словарных статьях: «хлѣби: прѣдухи воднии, водѣ оупѣст, воротѣ, гвалтовная водѣ» и чуть ранее: «хлѣбъ: гвалтовная водѣ прѣрва, окнѣско, мѣстце оурѣаное въ рѣцѣхъ, гдѣ водѣ рѣчей ллатса а не течѣть, затамоване, або краты оу брѣнѣхъ мѣсцкихъ»²⁰.

Предложенная здесь этимология слова *хлябь* построена преимущественно на учете внутриславянского материала и путей ми-

¹⁵ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1960, с. 519.

¹⁶ Словник української мови, т. XI. Київ, 1980, с. 91.

¹⁷ Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Київ, 1974, с. 222, 224.

¹⁸ A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, II. kötet. Budapest, 1970, с. 33; Лыткин, Гуляев, с. 114.

¹⁹ Цит. по переизданию в кн.: Лексис Лаврентія Зиванія. Синоніма славеноросская. Київ, 1964, с. 193.

²⁰ Лексикон словенороский Памви Беринды. Київ, 1961, с. 143 (новой pagination издания). Ср. также: Лексикон латинський Є. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973, с. 526; «хлябъ. мѣстце уарѣное в(ъ) водѣ. Cataracta. Emissarium Effluvium. Lacus.»

грации книжного слова по славянскому языковому миру. Учет материала письменных памятников церковнославянского языка с разных территорий, а также истории этих памятников поможет уточнить предполагаемые вехи движения слова в славянских языках, сделать их более конкретными и наглядными.

В заключение представляется важным остановиться и на форме *hlor*, которая отмечается загребским словарем²¹ на основе нескольких цитат с библейскими реминисценциями у авторов XV—XVIII вв., но не учтена исследователями. Эта форма является непосредственным и точным отражением верхненемецкого *Chlappre* (с кратким *a*, давшим на славянской почве *o*). Скорее всего именно форме *hlor* обязаны своим появлением глухие исходы у форм *hlep*, *hljer*, *hlip*²².

Э. П. Хэмп*

ЗАМЕТКИ

жаба

Статья *жаба* I Bufo в словаре Фасмера содержит все существенные формы: укр. *жа́ба*, болг. *жа̀ба*, с.-хорв. *жа̀ба*, словен. *žába*¹, чеш. *žába* и т. д.². Праславянская форма должна быть *žǣbā. Фасмер реконструирует *gēbā и сравнивает его с др.-прусс. *gabawo* и др.-сакс. *quarrā*, ср.-нидерл. *quarre*, ср.-н.-нем. *quabbe*, *quobbe*. Фасмер цитирует также мнение Махека о важной роли жабы в народных верованиях. Махек же ничего не добавляет к настоящей аргументации³. Его предположение о том, что *gēbā было звукоподражательного происхождения, не является ни убедительным, ни принципиальным, ни обоснованным; оно представляется скорее *petitio principii*. В Болгарском этимологическом словаре, вслед за обильным материалом и добавлением ценных сведений о заимствованиях в неславянские языки Балканского полуострова, реконструируется *gēbā < и.-е. **gʷēbhā*⁴. В других отношениях больше ничего не добавляется. То же в словаре Скока⁵.

²¹ RJA III, с. 632.

²² Следует упомянуть также попытку В. В. Мартынова (см. *Мартынов В. В.* Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968, с. 130—131) отыскать возможность исконной этимологии для этого трудного слова с проявлением «фоносемантических уподоблений», но В. В. Мартынов исходит из праформы *zľěbъ 'пучина, водная глубина', которая неспособна объяснить многообразие славянских форм (особенно сербохорватских).

* © Namr Eric P., 1983.

¹ О неправильном отнесении к нашему этимуону фриул. *zǎve* см. *Plom-teux H.* Un presunto slavismo in friulano: *zǎve* 'rospe'. — In: Škerljčev zbornik (= *Linguistica* XII), Ljubljana, 1972, с. 195—206.

² Фасмер II, с. 31.

³ Machek¹, с. 590.

⁴ БЕР I, с. 520.

⁵ Skok III, с. 669.